

УДК 82(091).82.0

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и теории словесности
Российского православного университета св. Иоанна Богослова
(г. Москва, Российская Федерация)*

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ

Рассматривается специфика особого типа прозы – романа – семейной хроники, выявляются его определяющие черты: линейная хроникальность и семейная проблематика (наличие нескольких поколений одного рода, микроклимат семьи, проблемы отцов и детей), специфика историзма. Опираясь на опыт творчества современных российских, украинских и зарубежных писателей, чьи произведения стали широко известны в последние два десятилетия, автор делает вывод о том, что данный жанр имеет большие перспективы в литературе.

Ключевые слова: типы романной прозы, семейная хроника, семейная сага специфика хроникальности, современная литература.

Семья и семейные отношения являются предметом изучения психологии, философии, социологии, демографии, истории и других гуманитарных дисциплин. Но именно языком художественной литературы можно доступно и интересно рассказать о семье. Семья является подсистемой общества с многочисленными и многообразными связями и представляет собой своего рода социальный микрокосм, а ее структура – микромодель общества, где в миниатюре заключается вся гамма общественных отношений. История народа материализуется в национальных традициях и стереотипах поведения. Их хранительницей является семья. Подобно хромосоме, именно она – носительница социальной наследственности, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем наследственность биологическая. Социальные процессы и отношения моделируются большей частью по образу и подобию межличностных семейных отношений, в которых запрограммирован весь спектр человеческих связей – от генов до социально-массовой детерминированности.

Попытки описать семью и обобщить ее традиции появились уже на заре развития мировой словесности. Как известно, семейная история потомков патриарха Авраама (описываются четыре поколения, не исключая и боковых ветвей) составляет сюжетную основу библейской книги «Бытие». Это же сказание легло в основу романа Генриха Манна «Иосиф и его братья».

Подобные мотивы не чужды и для античной классики. Фаддей Францевич Зелинский писал о том, что древнегреческая литература (эпос) началась с генеалогии героев. Например, значительная часть Гесиодовой «Теогонии» посвящена происхождению и борьбе четырех поколений олимпийских божеств. Это было вызвано к жизни тем, что эпические поэты «второго периода» (дидактического эпоса) «задались целью приурочить предания гомеровых, а также и иные к отдельным героям, поставленным между собой в генеалогическую связь, в видах обнаружения правды о прошлом правящих родов в тогдашней аристократической Греции».

Семейные хроники: страницы истории

Романы и длинные повествования о бытии и смене поколений воистину украшают каждую национальную литературу. Их объединяют такие общие особенности, как схо-

жесть судеб, развитие конфликтных ситуаций, преемственность и обновление бытовых традиций и прочие. В немецкой литературе читательское признание отдано «Будденброкам» Т. Манна. Французская литература выдвигает двадцать томов эпопеи о Ругонах и Макарах Э. Золя; роман М. дю Гара «Семья Тибо», Жана-Ришара Блока «...И компания», историческую пентологию «Проклятые короли» М. Дрюона. Английские хроники возглавляет «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси. Яркое произведение этого типа, созданное в Латинской Америке, «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса – также соотносится с этим жанром. Стремление расширить пределы повествования, имеющего вполне частный характер, рассмотреть в малом великое становится влиятельным художественным принципом литературы XX в. Значимое место в этом ряду занимает творчество Уильяма Фолкнера и особенно его трилогия о Сноупсах: «Деревушка» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959).

В украинской классической и современной литературе жанр семейной хроники проявился в творчестве А. Свидницкого. Его роман «Люборацкие» мы считаем каноническим образцом жанра в украинской художественной словесности XIX в. К этому же типу (или близким к нему разновидностям прозы) можно отнести и русскоязычные произведения «Братья-близнецы» (1857) Олексы Стороженко и «Пан Халявский» (1839–1840) Григория Квитки-Основащенко, украиноязычные романы «Мария» и «Вольный» (1933) Уласа Самчука, «Петрий и Довбушчуки» и «Столпы общества» Ивана Франка, а также «Тени исчезающие» («Тіні зникомі») (2002) Валерия Шевчука. Сама по себе украинская традиция семейных хроник требует особого рассмотрения.

Собственно романная традиция семейных хроник в русской литературе начинается с творчества С.Т. Аксакова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Вс.С. Соловьева.

Применительно к наследию С.Т. Аксакова отметим, что в его «Семейной хронике», по мнению В.В. Кожина, «как бы содержатся семена или, точнее, завязи всей будущей русской прозы». Итак, классическим образцом анализируемой нами жанровой формы является «Семейная хроника» С.Т. Аксакова (1856), оказавшая, по утверждению ряда исследователей, влияние на развитие русской прозы XIX в. и, в первую очередь, на появление и укоренение в ней «мысли семейной». В.В. Кожин отмечает: «Аксаковская книга стала своего рода прообразом величайших «семейных романов «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Подросток» и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и других» [1, с. 115].

В своем эссе, посвященном творчеству С.Т. Аксакова, В.В. Кожин определяет его хронику как «... сердцевидное явление отечественной литературы, животворные токи которого пронизывают ее всю целиком... Определение «богоданная» особенно уместно потому, что в то время еще не существовала великая русская проза... И только сам Бог мог дать ей первотолчок, подарив Слово Аксакову» [1, с. 105, 108].

Своеобразным отражением ситуаций, имевших место в действительности, являлись в нашей литературе две вымышленные династии: Головлевы и Горбатовы, одна – порождение таланта Салтыкова-Щедрина, другая – Всеволода Соловьева.

Если для салтыковских произведений (а также и упоминавшегося выше украинского романа «Пан Халявский»), посвященных описанию судеб дворянских родов, характерны обличительный тон и сатирический пафос, то для Всеволода Сергеевича Соловьева (1849–1903) стал определяющим иной подход – реалистическое и отчасти лирическое изображение жизни русской аристократии в XIX в.

Уже будучи зрелым художником, со сложившейся манерой письма и будучи хорошо известным читающей России, Всеволод Сергеевич Соловьев приступает к созданию романа «Хроника четырех поколений», в котором он задумал отразить историю дворянской семьи. В его «Хронику» (получившую также наименование «Семья Горбатовых») вошло пять романов: «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», «Старый дом», «Изгнанник», «Последние Горбатовы». Все они связаны единой нитью – судьбой одной дворянской семьи, пережившей бурные эпохи XVIII–XIX вв. – Золотой век Екатерины II, время французской революции, наполеоновские войны, восстание декабристов, николаевскую пору и становление нового буржуазного уклада в России. Первая книга пентологии была написана в 1881 г.; вторая и третья, соответственно, в 1882 и 1883 гг.; четвертая и пятая – в 1884 и 1886 гг. Можно заметить, что первое произведение нового жанра появилось в русской литературной традиции за 15 лет до аналогичного явления в Европе (романа Томаса Манна «Будденброки»).

Во второй половине XIX в. созданием семейных романов (так или иначе сопряженных с хроникальностью) увлекались некогда писатели, далекие от этого жанра: Б.М. Маркевич, Евгения Тур, А.Ф. Писемский и философ К.Н. Леонтьев («Подлипки»), А.И. Герцен («Кто виноват?», «Записки одного молодого человека»), И.А. Гончаров (в каждом романе), И.С. Тургенев («Дворянское гнездо») А.Я. Панаева («Семейство Тальниковых»), Д.В. Григорович («Переселенцы»), Б.К. Зайцев («Путешествие Глеба»), наконец, И.А. Бунин («Суходол»).

В это время становится все более определенным то, что через ряд эпизодов из жизни одного человека или же через биографию не всегда возможно отобразить полную картину социально-культурных и политических изменений в жизни общества. Насущная необходимость в реализации этой потребности рождает в различных странах у разных писателей новые формы литературных произведений.

Итак, появление романов Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (1884), И.С. Рукавишника «Проклятый род» (опубл. в 1914 г.), А.М. Горького «Дело Артамоновых» (1925) было продиктовано запросами времени и имело как общественный, так и художественный резонанс. Каждая семейная история рассматривается здесь с точки зрения кардинальной проблемы века – противоречий буржуазной цивилизации, охватывающей все уровни личного и социально-экономического бытия. Реально-историческое время и время индивидуально-психологическое в этих романах неразрывны, более того – объективный ход истории подчиняет и вбирает в себя представления и ощущения персонажей. Эта форма повествования сохраняет черты традиционности, восходящей к семейной хронике XIX в., и одновременно под влиянием развивающихся буржуазных социально-экономических отношений вносит свои коррективы в структуру текста.

После 1917 г. русская литература в метрополии и в рассеянии не забыла этот жанр. Все, что создали авторы за этот период, естественно, неравноценно. Однако каждый писатель, работавший в этом жанре, так или иначе, продолжал традиции своих прославленных предшественников. Советские семейные хроники пользовались в семидесятых годах оглушительной популярностью независимо от их литературных достоинств и художественного уровня, как, впрочем, и исторической объективности.

Мы говорим о таких книгах, как «Русь» П. Романова, «Журбины» Вс. Кочетова, «Строговы» Г. Маркова, «Занины» В. Трапезникова, пряслинскую трилогию Ф. Абрамова, «Любавины» В. Шукшина, «набатовскую» хронику Ф. Таурина и, конечно, бессмертные творения А. Иванова «Вечный зов» и П. Проскурина «Судьба», историческую хронику Е. Федорова «Каменный пояс» и др. В эмиграции нижегородский писатель Евгений Чириков создал семейную хронику «Отчий дом». История поколений изображена и в получивших популярность в английском переводе у западного читателя романах Владимира Максимова «Семь дней творения» и «Карантин», а также и в автобиографическом произведении Ирины Голвкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные».

Завершая исторический обзор романов семейных хроник, отметим, что русская литературная традиция способствовала возникновению семейных хроник в отечественной словесности.

Семейная хроника: аспекты теории

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни.

Михаил Михайлович Бахтин посвятил свои работы изучению истории романа; он доводит свои изыскания до литературы XX в. Этот исследователь не выделяет «семейную хронику» как особый подвид романа, а только определяет некоторые пути ее дифференциации. Сам этот термин им не вводится, но как синоним рассматриваемому нами жанру он вводит терминологическое сочетание «роман поколений» [2, с. 381] и определяет некоторые особенности проблематики и мотивов жанра, в частности выделяя как особый мотив «разрушение идиллии».

Ученый отмечает, что «роман поколений» с его мотивом «разрушения идиллии» (т. е. вырождения и распада) вызван историческими событиями XIX–XX вв., катаклизмами

эпохи. Но кроме кратких замечаний, далее исследователь в суть проблемы не вникает, и специфика жанра семейной хроники не стала объектом его исследований. Принимая в целом концепцию М.М. Бахтина, мы считаем, что общественные катаклизмы, экономические и культурные кризисы второй половины XIX – начала XX вв. действительно способствуют появлению «семейной хроники» как особого поджанра романной прозы¹.

Рассмотрение форм репрезентации семейной истории в художественной словесности не относится к наиболее разработанным аспектам мировой филологии, несмотря на то, что данной проблеме посвящен ряд довольно основательных исследований. Примером могут служить работы И.-Л. Лу, К. Делл, Д. Джонса, Н.Т. Порожняк [3] и др.

Во время создания этой статьи мы столкнулись с проблемой терминологической неопределенности относительно понятия романа – семейной хроники в зарубежном и отечественном литературоведении, поскольку ученые для обозначения объекта своего исследования использовали разную терминологию. Обратимся к англо-американским, польским и украинским источникам, что позволит нам «обогатить» методологическую базу нашего исследования.

Сразу отметим, что нет единого подхода к определению самого термина «роман – семейная хроника», а также критериев для классификации этого литературного жанра. Длительное время понятие романа – семейной хроники, или семейного романа, вообще трактовалось литературными критиками как «тривиальный» жанр, который не имеет художественной ценности, в том числе и для изучения. Однако на современном этапе развития литературоведения появляются труды, которые высоко оценивают роль романов такого типа. В таком контексте стоит обозначить монографию К. Делл «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» («Семейный роман в Северной Америке во второй половине XX века: изучение жанра»). Основные положения этой работы мы рассмотрим ниже. Среди известных нам работ стоит отметить два подхода к классификации произведений о семье. Одни из них предложен К. Делл, а другой – Д. Джонсом.

Д. Джонс предложил рассматривать семейную парадигму, основываясь на следующих фазах семейных отношений. Ученый отмечает и выделяет фазу детства и период ранней зрелости, моменты, когда герой оставляет семью, покидает отчий дом, период выбора брачного партнера (время ухаживаний), период создания семьи, где описываются отношения между супругами, а затем между родителями и детьми, и завершающей семейное бытие, как правило, мудрой и спокойной старости. Кроме того, выделяются сюжеты, в которых описывается смерть или возможность гибели героя или героев [4, с. 293].

По нашему мнению, в романе – семейной хронике присутствуют все вышеназванные сюжетные линии. Применив методологический подход Д. Джонса к анализу украинской семейной хроники «Люборацкие» А. Свидницкого, русских «Дела Артамоновых» А.М. Горького и соловьевской пенталогии, а также английской «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, мы находим подтверждения выделенных им фаз внутрисемейных отношений в текстах.

Так, у Всеволода Соловьева описываются и юношеские годы Сергея Горбатова, и детские лета его сыновей, что соответствует образцу детского нарратива. Отъезд Сергея во Францию и отбытие его сыновей на учебу можно отнести к переходному нарративу. В произведении описываются романтические отношения Сергея Горбатова-старшего с нежной любимой Таней, княжной Пересветовой, а также история взаимной жертвенной любви (на фоне войны 1812 г., декабристского восстания и ссылки в Сибирь) Бориса Горбатова и Нины Ламзиной, то есть здесь мы имеем дело, с романтическим нарративом. Кроме того, в романе показаны супружеские четыре пары Горбатовых (на протяжении трех поколений, включая и факт адюльтера). Изображены в «Хрониках...» и разнообразие отношения родителей с детьми, дяди с племянниками. То же самое мы прослеживаемым и в развитии и становлении главных героев «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, и в украинском романе «Люборацкие» Анатолия Свидницкого.

Монография И.-Л. Лу «Семейный роман. Опыт определения жанра» (The family Novel. Toward a generic definition) является одним из наиболее полных современных изучений романа – семейной хроники. Материалом послужили произведения писателей Западной Ев-

¹Об этом речь подробнее пойдет ниже.

ропы (Англия, Франция, Германия) и Азии. Различая «family novel» и «novel» (собственно семейный роман и роман вообще) и выделяя семейный роман как отдельный подвид (субжанр), исследовательница утверждает, что семья и поколения (как мы об этом подробнее скажем ниже) как мотив длительное время существует в литературной традиции, однако семейный роман не развивался как отдельный жанр до конца XIX ст.» [5, с. 2]. По её мнению, одним из первых романов семейной хроники в мировой литературной традиции стали «Будденброки» Т. Манна: «... Это первый прототип семейного романа, ... который определил быстрое развитие этого субжанра тем, что он показал более-менее четкую форму, что выделило его среди других типов романной прозы» [5, с. 4]

Разночтения по поводу дефиниции исследуемого жанра присутствуют и при анализе иных произведений. Возьмем, к примеру, «Cary o Форсайтах» Дж. Голсуорси. Так, польский литературовед Ю. Пальчевский употребляет термин roman-fleuve (роман-река) и указывает основные характеристики данного произведения: реалистическое изображение жизни двух поколений одной семьи на фоне широкой панорамы британского общества второй половины XIX ст. [6, с. 6]. Однако такая дефиниция нам представляется неполной, так как здесь не раскрывается жанровая сущность произведения.

Американская исследовательница И.-Л. Лу пользовалась термином family novel, т. е. «семейный роман», анализируя «Cary o Форсайтах» Дж. Голсуорси. А Л. Ферст этот роман характеризует как multigenerational novel – роман о множестве поколений. А.К. Делл, вводит понятие «family saga», семейная сага, или «famile chronicle». Во французском литературоведении встречается термин «Le-roman-cycle familia» (циклический семейный роман), применяемый для романов, посвященных истории семьи в нескольких поколениях [5; 7; 8].

Литературовед К. Делл предлагает свое разделение текстов о семье и выделяет такие подвиды романа:

- 1) семейный «романс» – жанр, в котором изображается зарождение семьи, повествуется о начале отношений, развитии чувств, помолвке, бракосочетании;
- 2) домашний роман (семейно-бытовой роман), который сводится к изображению бытовых сцен, описанию образа жизни семьи в пределах одного поколения;
- 3) семейный роман, в котором описывается семья, в пределах одного или двух поколений;
- 4) семейная сага, или роман – семейная хроника, где представлено изображение жизни больше двух поколений [7, с. 33–35].

Однако в этом нами не было найдено четких критериев разграничения между домашним и семейным романами.

Кроме того, К. Делл определяет виды и типы семейного романа по типу социально-психологической принадлежности героев, по изображению этнических или конфессиональных групп (англосаксонские, протестантские, семьи белых или семьи афроамериканцев, еврейские семьи).

Хотя исследование построено на основе романов американской прозы второй половины XX ст., нам представляются продуктивными и перспективными мысли автора относительно природы художественного творчества. К. Делл пытается объяснить, почему жанр семейного романа негативно воспринимался критиками. Она считает, что часто в научных трудах семейный роман ассоциировался с домашним романом (domestic novel), т. е. не с художественными, а с документальными хрониками – описаниями родословной, родового древа, которые начиная с XV ст. известны в Европе под названием «домашние хроники». Например, речь идет о заветной родовой тетради в романе Томаса Манна «Будденброки» или о франкоязычных записках у Всеволода Соловьева.

По словам Игоря Кона, в данном контексте речь идет о так называемых документальных «семейных хрониках» торговцев и ремесленников, возникших в Италии в XIII–XIV вв. и распространившихся затем в других странах и в других социальных, включая аристократию и дворянство, группах. Хроники эти изначально предназначались для узкого круга родственников, ведь в них излагается история «...семьи и важнейшие события жизни авторов, однако они весьма непсихологичны; личность автора прорывается в изложении, но отнюдь не является предметом исследования» [9, с. 71].

Основным недостатком текстов такого рода, по мнению критиков, является невысокий уровень художественности. Однако, несмотря на отсутствие острых социальных проблем, «трафаретность» в изображении героев, поведение которых легко предсказать, описание жизни лишь в рамках одной семьи, преимущественно в пределах одного района, города или местечка, такие произведения вызвали значительный интерес широкого круга читателей [7, с. 6].

К. Делл полагает, что семейный роман – «это жанр, который не только очень живой, но и радикальный и революционный так же, как и время, в которое исследуемые тексты были написаны» [7, с. 8]. Взяв за основу герменевтический подход, К. Делл на синхронном уровне определяет функцию семейного романа как «social diagnosis» («социальный диагноз»), то есть его назначение – определить общественную болезнь и выявить её причины и следствия.

Принимая во внимание то, что семейный дискурс часто сопрягается с политическим дискурсом, исследовательница на базе изучения художественного текста анализирует состояние американского общества. В таком контексте актуальным становится тема социальных недугов (в том числе и для конкретной общественной группы, класса или сословия) как важной части проблематики семейных хроник вообще. К. Делл утверждает, что тему социальной болезни в художественном тексте не «обязательно следует считать симптомом упадка, <...> она также может быть индикатором кризиса», после которой индивид может выйти обновленным и исцеленным. Литературовед при таком подходе трактует болезнь как путь к очищению, как своего рода катарсис [7, с. 10], способный обновить душу, очистить отношения в пределах одной семьи или одного сословия, открыть новые пути и возможности. Данное наблюдение актуально, как мы это покажем ниже, не только для соловьевской пенталогии, но и для «домашнего романа» Генриха Сенкевича «Семья Поланецких». Подробнее типы внутрисемейной эволюции мы рассмотрим ниже.

В таком контексте примечательно и наблюдение И.-Л. Лу, которая полагает, что семейный роман является своего рода «энциклопедией, которая позволяет посмотреть на жизнь людей, жизнь одной нации в прошлом» [5, с. 169]. Например, история семьи в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова вписывается в историческое время.

Для этого автор вводит информацию о социальных порядках той поры. Такой же подход мы можем наблюдать и в романе «Люборацкие» А. Свидницкого. В произведении представлена панорама жизни православного духовенства и мелкопоместной шляхты в 40–60 гг. XIX ст. в Украине. Развитие семейных отношений в романе «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси происходит на фоне расцвета и упадка Викторианской эпохи в Британии в конце XIX – начале XX ст.

Для семейной же хроники в целом отличительной чертой является специфика соотношения среды² и микросреды, которая представлена группой лиц, связанных между собой родственными узами. Особо отметим, что состав микросреды в ходе действия романа может меняться из-за основных процессов: появления на свет, взросления, старения, смерти героев произведения. Так же изменчивы и сами функции персонажей; они могут переходить из главных героев во второстепенные, т. е. из микросреды в среду, и наоборот.

В основе же хроники как явления словесности лежит повествование о фактах и событиях, выстроенных в хронологическом порядке, в **линейной последовательности (timeline)**. По наблюдениям зарубежных филологов, здесь описываются события, которые произошли до другого события, ведущие к нему, а также те, которые происходили после этого, связанные с ним [10, с. 272].

Итак, в семейных хрониках, наблюдается господство последовательного (линейного) изложения событий, что является характерной чертой и отличает хронику от других жанров. К примеру, если взять хорошо известные романы У. Фолкнера «Шум и ярость» и «Герой нашего времени» М. Лермонтова, то в них мы наблюдаем гетерохронное изложение событий, чего нет в семейной хронике.

²Средой в семейных романах выступает все общество в целом (или какая-нибудь его часть) на протяжении значительного, а не краткого времени (как в романах Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» или В. Шишкова «Угрюм-река»), периода истории.

Мы считаем линейный принцип крайне важным для семейной хроники, ведь именно в таком случае восприятие исторических явлений становится более целостным и объективным, лучше прослеживаются причинно-следственные связи и закономерности. В случае сбоя в хронологии, фрагментарности, различных форм гетерохронного изложения материала ухудшается качество восприятия. Но стоит отметить, что тут идет речь об иных художественных задачах и иных жанровых формах.

Поэтому сам термин «семейная хроника» нам представляется более верным, так как он указывает на ряд определяющих жанровых признаков, характерных для новой формы романа.

Художественное время в семейной хронике представлено жизнью двух–четырех поколений и занимает значительный период в истории общества, что формирует еще одну специфичную черту жанра – соотношение истории страны с историей семьи.

Историзм романа – семейной хроники своеобразен: крупные события, а порою и реальные исторические деятели, присутствующие в романе, как правило, не интересуют автора сами по себе, но они находят отражение как имеющие значение для данной семьи (формирование характера подрастающего или же изменение взглядов взрослого поколения). События гражданской истории влияют на быт семьи, трансформируют её уклад, формируют новые ценности, дают иные направления для деятельности героев. Таким образом, авторы предлагают несколько другой взгляд на историю, как бы снижая её масштабы и очеловечивая её. Художественное время может расширяться за счет сведений о родословной героев (вплоть до XVI в. и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX–XX вв.).

Для произведений рассматриваемого нами жанра характерно обращение проблематики на изображение бытия одной семьи на протяжении нескольких (т. е. 2–4) поколений. В проблематику семейных хроник включаются различные аспекты: социально-экономические, нравственные, преемственности или непреемственности поколений и, наконец, эволюция семьи, или ее деградация.

Отметим, что комплекс проблем, связанных со спецификой историзма заключается, по нашему мнению, в описании культурной и бытовой жизни семейств и, конечно, в изменениях, которым подвергается эта часть их бытия. Но при описании этих художественных явлений необходимо отметить главное – через них ощущается реальное действие времени, т. е. история частных лиц – основная проблема жанра. При анализе историзма следует учитывать еще один немаловажный аспект – проявление в произведениях такого типа собственно крупных исторических событий.

Авторов семейных хроник не интересуют исторические события сами по себе, они используют их лишь для того, чтобы показать, как они влияют на жизнь семьи. Поэтому в развитии жанра семейной хроники наблюдается постепенный переход от прямого описания события к своеобразному вынесению его в фон действия или вообще «за скобки» сюжетного повествования. Авторы как бы снижают масштаб истории, «очеловечивая» ее, показывая частные проявления бытия семьи, через которые реализуются общие закономерности.

Акцент на будущем, погружение персонажей в исторический поток, представление о том, что человек может разрешить свою судьбу собственными силами – уже «...не в семейном, классовом содружестве, делают идею цепи поколений не столь необходимой и ведут к трансформации жанра семейной хроники в исторический роман, в социальную эпопею, имеющую другое идейное содержание, требующую нового метода отражения и другой, чем у семейной хроники, структуры».

В таком контексте встает закономерный вопрос о соотношении семейной хроники с **романом-эпопеей и романом-биографией**. Основное отличие хроники от эпопеи заключается в отказе от прямого изображения крупного события или изменения способа его изображения. Как правило, это событие представлено лишь опосредованно, и его описание не занимает большого количества строк в семейной хронике. Чаще всего мы слышим лишь отзвуки событий. Таким образом, рассмотренная нами специфика историзма хроник становится образующим фактором для данного жанра.

В.В. Кожин в качестве дополнительного жанрообразующего критерия выделял объем произведения. Возможно, объем текста (примерно одинаковый для обоих жанров) служит основой для суждения об идентичности хроники и эпопеи.

Для сравнения рассматриваемых жанров представляет интерес вопрос: за счет чего в них достигается объем текста? Эпопея по своему содержанию не протяженна во времени, (время действий «Тихого Дона» и «Войны и мира» – около 10–15 лет; «Жизни и судьбы» В. Гроссмана – около 7 лет), но охват жизненного материала заставляет расширять панорамные рамки произведения. В семейной хронике, временная протяженность которой охватывает период около 50–100 лет, объем текста достигается за счет введения картин жизни и быта поколений. Таким образом, сходные по объему и различные по временному охвату произведения различны по своей жанровой природе.

По словам А.Я. Эсалнек: «Из конкретного анализа произведений следует, что структурные особенности романа как жанра представляют из себя совокупность компонентов, взаимосвязанных друг с другом и образующих некое целое. Типологические разновидности подобных произведений зависят от качественных свойств данных компонентов, удельного веса каждого из них в пределах целого и характера связи между ними внутри структуры. Этими особенностями определяются и конкретные типы романов, наметившиеся в европейской литературе с конца XVIII – начала XIX столетий» [11, с. 142].

Высказанная мысль о возможной межжанровой дифференциации говорит о необходимости провести сравнение семейной хроники с биографическим романом.

В последнем типе романа мы можем встретить некоторые черты, сходные с чертами семейных хроник. В частности в произведениях этого типа мы можем наблюдать рассказы о предках героя, его родителях и детях. Это может показаться дублированием семейной хроники. Но в виду того, что «удельный вес» подобных компонентов в этих жанрах различен и цели этих жанров не идентичны, то можем утверждать, что семейная хроника и биографический роман близки, но не тождественны.

К этому можно добавить, что для автора семейной хроники любое поколение самоценно, и произведения этого жанра, по сути, комплекс биографий лиц одной семьи, изложенных в четкой хронологической последовательности. Все эти данные позволяют нам определить особое место «семейной хроники» среди других, родственных ей жанров романной прозы.

Именно по этим принципам – с неизбежными исключениями и отклонениями, по-разному подтверждающими правило, – построены семейные хроники русской и европейской литературы XIX–XX вв.

Семейная хроника: проблема финала

Жанровая разновидность романа – семейной хроники стала значимым фактом литературного развития XX в. В таких произведениях наблюдаются различные пути претворения и развития важного жанрообразующего мотива – мотива поколений. При всем разнообразии факторов, определяющих идейно-художественную специфику произведения, в определенных моментах эволюции семейного характера мы наблюдаем сходные тенденции развития.

Анализируя общие аспекты проблематики этого жанра, можно выделить несколько наиболее типичных проблем, решаемых семейной хроникой: соотношение истории семьи и истории общества, что, в свою очередь, рождает ряд других особенностей, являющихся прерогативой именно этого жанра, составляющих его *классические мотивы*. Это то, что в литературоведческих монографиях (в частности у упомянутых нами выше зарубежных исследователей) рассматривается как мотивы вырождения (деградации, дегенерации).

Такой подход нам представляется несколько односторонним: более правомерно говорить об эволюции характера героев на протяжении семейной истории. Эти изменения могут носить как негативный (то есть вырождения, в том числе рост физических и психических болезней, духовно-интеллектуальное оскудение, снижение социальной активности, физиологическое бесплодие), так и позитивный характер (возрождение, восстановление потенций рода после мрачных лет дегенерации). Изменения могут быть и нейтральными: характер и мировоззрение трансформируются под влиянием событий истории.

Итак, обобщение проанализированного нами художественного материала семейных хроник показывает нам основные мотивы эволюции семейного характера в произведении-

ях этого жанра. Выше мы уже отмечали, что необходимость изменения характера в семейной истории обусловлена художественной природой произведений. Но вместе с тем сама эволюция психического склада семьи наряду с другими мотивами становится жанрообразующим фактором романа – семейной хроники.

Все типы модификаций можно условно разделить на четыре группы:

- 1) нейтральные исторические, обусловленные изменениями психологического и социального состояния семьи;
- 2) негативные изменения семьи (т. е. вырождение и деградация);
- 3) возрождение семьи, т. е. восстановление её материального и духовного потенциала;
- 4) становление рода, через путь прогрессивного развития.

Мотивы первой группы встречаются во всех произведениях, где в качестве одной из фундаментальных представлена проблема социального развития общества, а также где семья является символом той или иной общественной группы или сословия. Так, например, психологическая и культурно-интеллектуальная эволюция младшей ветви рода Артамоновых представляет собой реализацию этих мотивов.

Аналогичным образом идет эволюция Форсайтов и, в какой-то мере, Армстронгов-Клири. В эту же группу можно отнести и изменения экономической деятельности семьи Горбатовых в связи с формированием в России капиталистических отношений. Мотивы этой группы показывают стойкость семьи (прежде всего нравственную) и способы адаптации к изменяющимся историческим условиям.

Вторая группа мотивов включает в себя негативные аспекты семейной эволюции, вопреки устоявшемуся мнению литературоведов, в том числе и М.М. Бахтина. Эти мотивы не столь часто встречаются в семейных хрониках и, за редким исключением (Т. Манн «Будденброки»), представлены в произведениях в сочетании с мотивами других групп.

Появление мотивов распада самой семьи и её деградации, как мы уже показывали выше, в первую очередь обуславливается появлением энтропии – ослаблении физических, духовных и затем социальных потенциалов рода.

Появление мотивов деградации может быть обусловлено тем, что авторы семейных хроник следовали (это и было отмечено у процитированных выше исследователей) архетипическим сюжетам [12]. Данную проблему рассматривал Е.М. Мелетинский, который отметил, что «отзвуки архаических схем, мифоподобные элементы если и встречаются в литературе второй половины XIX в., то в завуалированной форме, бессознательно. Зато в литературе XX в. появляется настоящий поток «ремифологизации», захватывающий поэзию... и роман (Т. Манн, Дж. Джойс, Г.Г. Маркес)» [12, с. 159]. В нашем случае можно выявить сюжеты об изгнании из рая или же золотом веке (что часто обнаруживается в генеалогических справках, или описании первых одного-двух поколений), железном веке (так трактуется современность) или идиллическое описание дома и отношений его обитателей.

Одна семейная хроника как жанр не привязана к какой-либо (включая и архетипическую или же идиллическую) сюжетной матрице. Содержание жизни и эволюция поколений могут быть различными. В некоторых романах этой жанровой группы мы практически не встречаем интенсивного проявления мотивов деградации. Таким образом, например, происходит эволюция Клири в «Поющих в терновнике» К. Маккалоу или в романе Дж. Стейнбека «На восток от Эдема», а также героев книги Орхана Памука «Джевдет-бей и сыновья».

В отдельных случаях мы встречаемся с рядом иных тенденций. В частности речь идет о становлении рода и совершенствовании качеств семьи. Как, например, в пенталогии Говарда Фаста о семье Лаветов и Леви, названной «калифорнийской сагой о Форсайтах». В этом произведении речь идет о завоевании членами этой семьи экономических благ и совершенствовании психологических и культурных черт семейного характера.

В ряде произведений мы встречаемся с темой регенерации семьи. Таковы, например, Джастина и Ден О-Нилы из «Поющих в терновнике»; Мирон из «Дела Артамоновых»; Владимир-младший Горбатов из соловьевской пенталогии. Такой сюжетный ход позволяет автору семейной хроники нейтрализовать пессимистические мотивы семейных хроник и дает возможность формированию оптимистического и позитивного финала. Французский

писатель Э. Базен строит свою «Семью Резо» по обратной схеме. В первом поколении мы встречаемся с деградацией, представленной образами папаши Резо и Психиморы, а второе поколение, представленное их сыном Жаном Резо, показывает положительные стороны семейной эволюции.

В процессе развития жанра семейной хроники мы наблюдаем отход от патрилинейного принципа (т. е. по мужской линии) организации семейной истории. Первые хроники («Будденброки», «Хроника четырех поколений»; «Сага о Форсайтах»; «Дело Артамоновых») по-преимуществу выстроены по ранжиру: повествование переходит от отца к сыну, затем внуку и, если есть, правнуку. Иными словами, мы встречаемся только с типологией мужских характеров, женские образы, выполняли лишь эстетическую функцию и играли второстепенную роль.

С появлением семейных хроник, написанных не писателями, а писательницами мы время от времени наблюдаем внедрение в этот жанр матрилинейного (от матери к дочери и внучке, правнучке) способа повествования, а также сочетание патрилинейного и матрилинейного принципов. Таковы семейные хроники, написанные К. Маккалоу, Дж. Хербст, Б. Смолл; подобное построение семейной истории мы наблюдаем и у писателей-мужчин – американца украино-еврейского происхождения Говарда Фаста и нашего соотечественника Семена Малкова.

Само изменение схемы сюжетостроения влечет за собою развитие творческих индивидуальностей персонажей и расширяет содержательную сторону хроники.

С другой стороны, мы наблюдаем также некоторую демократизацию семейных хроник. Если первые произведения этого жанра были посвящены в основном представителям крупнейшей буржуазии или аристократии, то более поздние хроники и «романы поколений» повествуют о других социальных группах и классах.

Это проявилось в произведениях советских авторов Вс. Кочеткова «Журбины» (о рабочем классе) и Г. Маркова «Строговы» (о сибирских крестьянах). Аналогичную тенденцию можно обнаружить в близком по жанру к «семейной хронике» роману А. Черкасова «Хмель».

В зарубежной литературе такую тенденцию мы обнаруживаем в творчестве Дж. Стейнбека: в обоих своих произведениях, посвященных теме поколений, он пишет об американских фермерах. В то же время продолжают появляться семейные хроники, повествующие о высших слоях общества. Например, «Проклятые короли» и «Сильные мира сего» М. Дрюона или роман советского писателя Е. Федорова о князьях Демидовых – «Каменный пояс» и т. д. В отдаленных произведениях речь идет о социальной диффузии. Это романы К. Маккалоу «Поющие в терновнике» и Дж. Хербст «Жалости не достаточно».

Современные хроники: современный этап

Если окинуть взглядом книги зарубежных писателей, которые получили литературные награды в XXI в., станет ясно, что семейные саги составляют почти половину почетного списка. Так, Национальной книжной премии США в области художественной литературы были удостоены Джонатан Фрэнзен («Поправки», 2001), Джулия Гласс («Три июня», 2002), Ширли Хаззард («Великий пожар», 2003); Пулитцеровской премии – Ричард Руссо («Эмпайр-фолс», 2002), Джеффри Евгенидес («Средний пол», 2003); Национальной книжной премии общества критиков – Иэн Макьюэн («Искушение», 2002). Для литературы сегодняшней Америки характерна «мысль семейная», заключенная в неспешное, многостраничное повествование, возвращающее нас к традиционному роману XIX в.; в моду вошли длинные тексты, связанные сюжеты (предпочтительно с легкой детективной интригой), живые, запоминающиеся персонажи (о которых хочется знать, что с ними произойдет дальше) – члены большой семьи с увлекательным и запутанным прошлым и, конечно, любовь.

Обычно семейные хроники отражают историю выживания семьи в драматическую пору, когда само существование семьи ставилось под угрозу. Например, кризис Германии породил «Будденброков» в творчестве Томаса Манна, кризис британской империи – голсуортских «Форсайтов», перерождение российской империи в советскую – «Дело Артамоновых» М. Горького. Кризис сталинизма породил «Журбиных» Всеволода Кочетова; отчетливый упадок уже советской империи вызвал к жизни жанр семейной хроники в твор-

честве Г. Маркова («Строговы»), А. Иванова («Вечный зов»), П. Проскурина («Судьба» с двумя продолжениями). На гибель СССР успел отреагировать один Василий Аксенов: «Московская сага» была одновременно и пародией на семейно-исторический роман, и первой пробой многих современных приемов. В конце 1990-х проницательные литераторы ощутили некоторую стабилизацию и необходимость осмысления нового бурного периода. Пионером в этом жанре в новом периоде истории русской литературы стал Дмитрий Вересов, написавший романы «Черный ворон» и «Летописец», а поскольку в советской истории много иррационального, он стал одним из первых, кто создал мистический (фактически оккультно-языческий) колорит на семейном материале.

Тенденция отображать историю семьи проявилась и в творчестве других современных писателей. Например, Елена Арсеньева издала в «Эксмо» серию романов «Русская семейная сага»: «Несбывшаяся весна», «Зима в раю», «Осень на краю», «Последнее лето». В них отобразилась история русского дворянства и интеллигенции от начала XX в. до 1960-х гг. Последовательное изложение судеб трех поколений раскрывает то, как история проходит через жизнь простых людей, коверкая и искажая их судьбы. Однако, несмотря на сложные исторические обстоятельства, герои сохраняют себя и культурное наследие своего сословия.

В таком контексте стоит отметить и произведения Александра Лапина «Русский крест» и Елены Колиной «Сага о бедных Гольдманах». В этой статье нам хотелось бы выделить роман Семена Малкова, представителя технической интеллигенции, авиаконструктора. Телесериал «Две судьбы», созданный по мотивам (с изменением сюжетных линий) романов Малкова, стал очень популярным, также большим тиражом разошлись и книги. В основе сюжета – две женские истории. В начале 1960-х годов деревенские подруги Вера и Лида молоды, красивы, впереди у них целая жизнь. Тугой узел конфликта развязывается совершенно непредсказуемо, срывая маски, обнажая истину, вовлекая в водоворот событий все новых и новых персонажей. Сквозь многие годы проносятся героини свои мечты и любовь. Их личные жизни развиваются на фоне непростой судьбы страны столь же драматично, сколь и неожиданно. сегодня критики сравнивают новый роман Семена Малкова с лучшими образцами русской эпической прозы. Основное достоинство книги, – четкая расстановка нравственных акцентов. Тонкий психолог – автор не пытается выгораживать «плохих» героев, придавая им отрицательное обаяние и наделяя страдающей душой, равно как и не добавляет лишних непривлекательных черт героям положительным. Само название семейной хроники «Две судьбы» можно трактовать как два пути, которые выбирают для себя люди. Трудный путь честности, любви, верности идеалам или удобный путь лжи и себялюбия. И так происходит на протяжении трех поколений семьи, нравственный выбор встает и перед дочерьми Веры и Лидии в предперестроечное время, Петром Юсуповым, внуком Веры, и его другом-врагом Кириллом Слепневым в эпоху «лихих девяностых» и начале нового тысячелетия. Решение этических проблем подается как пример читателям книги и зрителям фильма.

После успеха романа «Две судьбы» Семен Малков создаёт роман «Вертикаль жизни». Новая трилогия также написана в жанре семейной хроники. В основе книги – сложная, насыщенная ярчайшими эпизодами история жизни ученого Артема Наумова и его родных. Время, в которое происходят события первого тома этой семейной саги, – одно из самых интересных и сложных в нашей истории: начало Второй мировой войны и середина 1950-х годов. В финале «Вертикали жизни» описано последнее десятилетие XX в.: политические бури, финансовые пирамиды, незаслуженное возвышение одних и нищета других. Время, когда родные дети становятся чужими, а чужие – прирастают к сердцу. Семья академика Артема Наумова волею судьбы оказывается на острие бытия, но у героев достаточно сил, чтобы не просто выжить, но и сохранить нравственное и духовное наследие рода. Другие семейные хроники («Дети Ванюхина» Григория Рязского, «Московская сага» Василия Аксенова) известны широким массам наших соотечественников в основном благодаря экранизациям, более или менее удачным.

Произведение вологодской писательницы А.Б. Медведской «Тихие омуты» охватывает период в 100 лет. В ней автор рассказала о семье родителей и о собственной семье. Антонина Бернардовна прошла через голод 1930-х гг. в Белоруссии, войну, немецкий конц-

лагерь, фильтрационный советский лагерь. Войну она встретила в Бресте, где оказалась на гастролях с мужем и маленькой дочерью. Она пишет, как прошла войну бок о бок с ребенком и мужем-актером; сумела не только выжить, но и спасти свою семью, даже организовала побег из концлагеря с мужем, дочерью и двумя актерами. В 2004–2005 гг. в «Роман-газете» был опубликован ранее неизвестный широкому русскому читателю роман писательницы – эмигрантки первой волны Нины Федоровой (1895–1980) «Жизнь». В 1964–1966 гг. в Вашингтоне вышла его первая часть. Действие охватывает несколько десятилетий – с дореволюционных времён до начала Второй мировой войны. Иллюстрируя драматическую историю страны через судьбу разных людей, представителей нескольких поколений одной русской семьи, роман Нины Федоровой перекликается с такими классическими произведениями русской литературы, как «Тихий Дон» Михаила Шолохова и «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. «Жизнь» представляет интерес для читателей всех возрастов – для тех, кто только вступает в жизнь, и для тех, кто хранит память о великом и трагическом прошлом нашей страны.

Итак, наш обзор современных семейных хроник показывает, что этот жанр, несмотря на объективные трудности для писателей (большой объем текста и фактологического материала), активно развивается в современной русской литературе, обладает широким спектром многообразных проблем, вызывает интерес у читателей и поэтому возможно появление новых семейных хроник, в которых будет представлен иной взгляд на драматическую и трагическую историю XX в.

Список использованных источников

1. Кожин В.В. Победы и беды России / В.В. Кожин. – М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2005. – 573 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Порохняк Н.Т. Роман сімейна хроніка з погляду літературної антропології / Н.Т. Порохняк // Питання літературознавства. – Вып. 79. – Чернівці: Вид-во Чернів. нац. ун-ту, 2010. – С. 134-145.
4. Jonnes D. The matrix of narrative family systems and the semiotics of the story / D. Jonnes. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter. – 1990. – 294 p.
5. Lu Y.-L. The family Novel. Toward a generic definition / Y.-L. Lu. – New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. – 221 p.
6. Palczewski J.K. John Gaslworthy / J.K. Palczewski. – Warszawa: Czytelnik, 1981. – 100 s.
7. Dell K. The Family Novel in North America from Post-war to Post-millennium: A study in Genre [Електронний ресурс] / K. Dell. – Режим доступа: http://ubt/opus.hbz-nrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf.
8. Furst L.R. "The Ironic Little Dark Chasms of Life": Narrative Strategies in John Galsworthy's Forsyte Saga and Thomas Mann's Buddenbrooks / L.R. Furst // LIT: Literature Interpretation Theory. – 2006. – Vol. 17. – Issuc 2. – P. 157–177.
9. Кон И.С. В Поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1986. – 336 с.
10. Grafton A. Cartographies of Time: A History of the Timeline / A. Grafton, D. Rosenberg. – London: Princeton Architectural Press, 2010. – 272 p.
11. Эсалнек А.Я. Типология романа / А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 156 с.
12. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов / Е.М. Мелетинский // Бессознательное: сборник научных статей. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 159–167.

Розглядається специфіка особливого типу прози – роману – сімейної хроніки, виявляються його визначальні риси: лінійна хронікальність і сімейна проблематика (наявність кількох поколінь одного роду, мікроклімат родини, проблеми батьків і дітей), специфіка історизму. Спираючись на досвід творчості сучасних російських, українських та зарубіжних письменників, чії твори стали широко ві-

домі за останні два десятиліття, автор робить висновок про те, що цей жанр має великі перспективи в літературі.

Ключові слова: типи романної прози, сімейна хроніка, сімейна сага, специфіка хронікальності, сучасна література.

The article considers the specificity of a particular type of prose-roman family chronicles, identifies its defining features: linear chronicality and family issues (availability of several generations of the same genus, the microclimate of the family, the problem of fathers and children), the specificity of historicism. Drawing on the experience of creative work of contemporary Russian, Ukrainian and foreign writers and representatives of the Russian diaspora, whose works have become widely known in the past two decades, the author makes a conclusion that this genre has a lot of perspectives in the literature.

Key words: types of novel prose, the family chronicles and sages, the specifics of historicism, modern literature.

Одержано 1.10.2013.